

Копипаста: Письмо Чикатило — Lurkmore

Основная статья: [Чикатило](#)

Письмо Андрею Романовичу Чикатило

*Следственный изолятор УКГБ
г. Ростова-на-Дону
ул. Антрацитная, д.8
Чикатило А.Р.*

Уважаемый, Андрей Романович. Долго не решалась Вам написать, но вот всё же это произошло и Вы читаете моё письмо. Думаю, в эту горькую для Вас минуту оно привнесёт капельку теплоты в Ваше существование. По крайней мере, поможет Вам скоротать эти нелегкие часы пребывания в камере-одиночке. Я, как никто другой, осознаю как тягостно Вам в заточении и поэтому хочу сказать Вам, что будь дарована мне Господом такая возможность, взяла бы на себя все Ваши нынешние невзгоды и горести. Но такова воля всевышнего. Мы далеко друг от друга и, наверное, не увидимся уже никогда.

Поведаю Вам о себе. Меня зовут Оля С. Мне 10 лет. Учусь в музыкальной школе по классу фортепиано. Педагоги говорят, что делаю успехи и прогрессирую день ото дня. Родилась я в Новошахтинске, городе Вам несомненно знакомом, ибо большую часть своих зверствований Вы совершили именно здесь. Мама моя, Зоя Павловна, работает в нашей читальне (библиотекой даже это не назовешь по причине малого выбора книг) библиотекарем. Отец мой, Алексей Владимирович, был военным лётчиком. Погиб года три назад, в соплю птицу занесло, пытался спасти самолёт, но до аэродрома так и не дотянул. Папе посмертно звезду героя Советского Союза дали. Так мы теперь с мамой в основном на пенсию его и живем, сами знаете, зарплаты у библиотекарей мизерны до неприличия. Вдвоём нам с мамой хватает. Женщин, не то, что мужика прокормить, молока у Никитичны взяли раненько утром, хлеба в гастрономе прикупили и сыты целый день. В общем, худо-бедно живём помаленьку. А что горевать-то? Я как сяду за фортепиано, пальцы на клавиши положу, как будто по волнам плыву, так плавно, переливами. Музыка все мои печали топит. Классиков всех уже переиграла, в рамках конечно школьной программы, но все же. Пытаюсь импровизировать, недавно сочинила колоратуру для фортепиано с арфой. Ну да ладно, что это я всё о себе, прямо неудобно то как.

Вам наверно интересно, почему же я всё-таки пишу Вам. Каковы же мои мотивы. Увидела я Вас первый раз по телевизору. В программе «Время» говорили о ходе процесса, на котором слушалось Ваше дело. Я увидела Ваши глаза и всё сразу поняла. Вы каким-то лёгким движением сняли свои очки и обнажили полные вселенской тоски глаза. Ваши глаза!!! Я словно утонула в них. С этих пор я не нахожу себе места, все Ваш образ не выходит у меня из головы. Вы, наверное, подумаете, что за детский вздор, но я Вас заклинаю, не отвергайте сразу мою любовь. Поверьте моему чувству, я выстрадала его всем своим существом. Мне не легко было сесть и написать Вам это письмо, но сил моих больше нет и я всё томлюсь надеждой получить от Вас хоть какую-нибудь весточку. И пусть даже это будет прямой отказ, но мне полегчает, да, мне обязательно станет легче, ведь я прикоснусь к бумаге, на которой писали Ваши божественные руки.

Вот уже два месяца меня посещают похожие друг на друга сны. В этих снах, Андрей Романович, мы с Вами вместе. И всё у нас так хорошо, так душевно складывается. Вот давеча, например, я проснулась, вся мокрая, волосы всклокочены, ладошки вспотели, а внизу моего животика (вы знаете, о чём я) так горячо, что еще никогда так не было. Я начинаю анализировать, вспоминать весь ход этого сна и явственно вижу, как я возвращаюсь из школы в посёлок, сижу на остановке, жду автобуса, а на улице холод такой ядреный, совсем не типичный для наших февралей, а автобуса всё нет и нет, видимо не завёлся по такому морозцу. Люди понемногу разошлись, а я всё сижу и сижу. Уже и темнеть начало. И здесь появляется Вы, Андрей Романович. На Вас серенький плащик, совсем не по сезону, клетчатая кепи, а в руках авоська, сквозь сетку проглядывает газетный свёрток. Как сейчас вижу «Новошахтинский горняк» таким крупным шрифтом на заголовке. А сквозь бумагу влажные пятна проступают. Вы берете меня за руку и совсем ничего не произнося ведете за собой вдоль дороги. Где-то перед перекрёстком на Тарутино спускаемся в лесопосадку, а там снежок такой глубокий, что в мои сапожки, совсем уж прохудившиеся за предыдущие четыре года носки, набивается. Вы не отпускаете моей руки и так выверено, словно заранее зная маршрут, выводите меня на задний двор фермы савхоза им. Ленина. Я раза три бывала здесь, когда летом отец на сенокосе подрабатывал. Возле хлева с коровами мы спускаемся в силосную яму и вы начинаете меня обнажать, я совсем не сопротивляюсь потому, что знаю, что будет хорошо. Очень хорошо. И даже уже начинаю чувствовать какую-то сырость в моей маленькой пещерке. А Вы так резко достаете из ширинки что-то похожее на рожок мороженого, в нашем дворе мужики из доминошни называют это плохим словом «хуй», которое мне мама запретила произносить, а еще я однажды видела эту штуку у своего папы, когда он вернулся после трансатлантического перелёта как раз ко дню рождения мамы. И Вы так стоите, рукой его двигаете перед моим лицом, даже не двигаете так, а то оголяете шарик, то снова закрываете шкуркой. Не знаю почему, но мне неудержимо хочется взять этот рожок мороженого в свой

ротик и я уже тянусь к нему своими губками. Сначала нерешительно, но затем всё быстрее и быстрее его обсасываю. А вкус такой, вернее даже не вкус а запах, словно шпротки рижские из консервы, мама на новый год их всегда у тёти Тани на квашенную капусту выменивает. А еще там у Вас, Андрей Романович солоноватый творожок, но творог я не совсем люблю, хоть мама и заставляет по утрам. Но Ваш творожок совсем не тот, что из пачки, он какой-то очень вкусный, как пудинг, Ваш, одним словом. Я лижу Ваш рожок, а он всё не слизывается, даже еще крупнее становится. А потом Вы почему-то резко отнимаете его от меня и начинаете доставать из авоськи свёрток. Раскрыли его, а там поросычья голова. Затем Вы снимаете с меня колготки, а они уже совсем мокренькие между ножек, прорываете в них дырки и надеваете себе на лицо. Я боялась, что вы начнёте снимать с меня трусики, потому, что в школе покакала и плохо подтёрлась, но мне было так хорошо, что я всё же поддалась Вам. И мне было совсем не стыдно. Вы раздвинули мои ножки и стали целовать там где пися, так покраснелись, стали сопеть, стонать неистово, завелись как-то уж очень. А потом, я сразу и не поняла зачем, всунули мне в писю пяточок свиной головы и стали его туда-сюда водить внутрь. А мне сначала так больно было, что даже слёзы из глазок покатались, а потом так сладостно стало. И уже смотрю пяточок у головы в крови весь, словно свинке носик разбили. Так приятно, чувствую словно в перину проваливаюсь, а вы тем временем достали большой ножик, отрезали мне правое ухо и стали его грызть. А боли я уже не чувствую, только блаженство и жар в писе. Я закрыла глазки и взяла в ладошки Ваш рожок. Он был такой большой, что не помещался в них. Чувствую, дальше Вы разрезали мне животик, нож так плохо шёл, что Вам приходилось порой даже рвать кожу. Я открыла глазки, но видела уже только одним, левый Вы как-то ловко выдавили, что я совсем и не заметила. Вижу я правым глазом как Вы, Андрей Романович, опускаете в мой животик Ваши пушистые шарики, что под рожком, и макаете волосики на них в слизь каких-то извилистых трубок внутри моего животика. А потом Вы стали хрипеть, так хрипели, что я уж испугалась совсем - не больно ли Вам. А потом Вы охладили жар в моей писе сталью еще все же острого ножа. Как-то крутили там им, вертели и достали из меня в своих ладонях окровавленный кожаный мешочек. Когда срезали кожу на писей и стали выковыривать корни еще не проявившихся у меня волосков, я уже улетала понемногу на небеса. И мне так хотелось, что бы Вы, Андрей Романович, взяли снова меня за руку, и мы с Вами поднимались вместе, как два ангелочка с белыми крылышками. Я улетала, а Вы продолжали рисовать ножом по моему телу. Срезали мои сосочки и почему-то скормили их свиной голове (видимо какой-то Ваш ритуал жертвоприношения, похожий на тот, который я видела у аборигенов острова Святой Елены в передаче у дяди Юры Сенкевича в программе «Клуб путешественников»). Вы откусили мои губки и носик, стали их жевать, а рукой снова двигали свой рожок. Потом стали как-то трястись, обмазались моей кровушкой и еще чем-то коричнево-зелёным, что вытекало из моего животика, но это уже видела не я, а моя душенька, улетающая на небо к ангелочкам с белыми крылышками. А потом вы оделись, забросали мое тельце компостной соломой, притрусили замороженными коровьими лепёшками, завернули свиную голову в газету «Шахтинский горняк» от 29 февраля 1987 года, положили ее в авоську и пошли прочь поскрипывая снежком под ботинками. Андрей Романович, мне было так жаль, что мы расстались и Вы уходили так стремительно от меня, а я улетала всё выше и выше. Но так угодно боженьке нашему.

Я знаю как Вам сейчас плохо в тюрьме, Вам одиноко, печально и горестно, Вы ждете смертной казни и молитесь Господу нашему ежечасно, вы не доедаете. Вас кормят только перловкой, а у нас сегодня на ужин котлетки и пюрешечка с подливкой. Мама приготовила, так вкусненько. Наверно соберу Вам как-нибудь передачку и приеду в Ростов-на Дону. Повидаться с Вами. Сил моих больше нет не видеть Вас. Я хочу быть Вашей, рядом с Вами навсегда, оберегать Вас, хранить, заботиться о Вас, ласкать Вас, ухаживать за Вашим рожком. Прижаться к Вам, целовать по всему телу, а Вы раскрамсаете меня по кусочками и скормите своей свиной голове. Я люблю Вас, Андрей Романович, и готова ради Вас на всё.

Я всё же надеюсь Вас спасти от кары. Они ведь никогда не поймут, что расчленение, поедание внутренностей и вырезание глазниц - искусство. Это как писать картины, это как играть на фортепиано. Андрей Романович, не перестану повторять: я - Ваша на века.

Безмятежно и искренне, Оля С.

Источник: [1]